

К Р О К О Д И Л

К 556/38 г.

ГОД ИЗДАНИЯ ХVII

БЕЗВЫХОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Рис. Л. Бродский

— Ничего не поделаешь, сударыня! Для нашего благополучия придется пожертвовать вашим чемоданом.

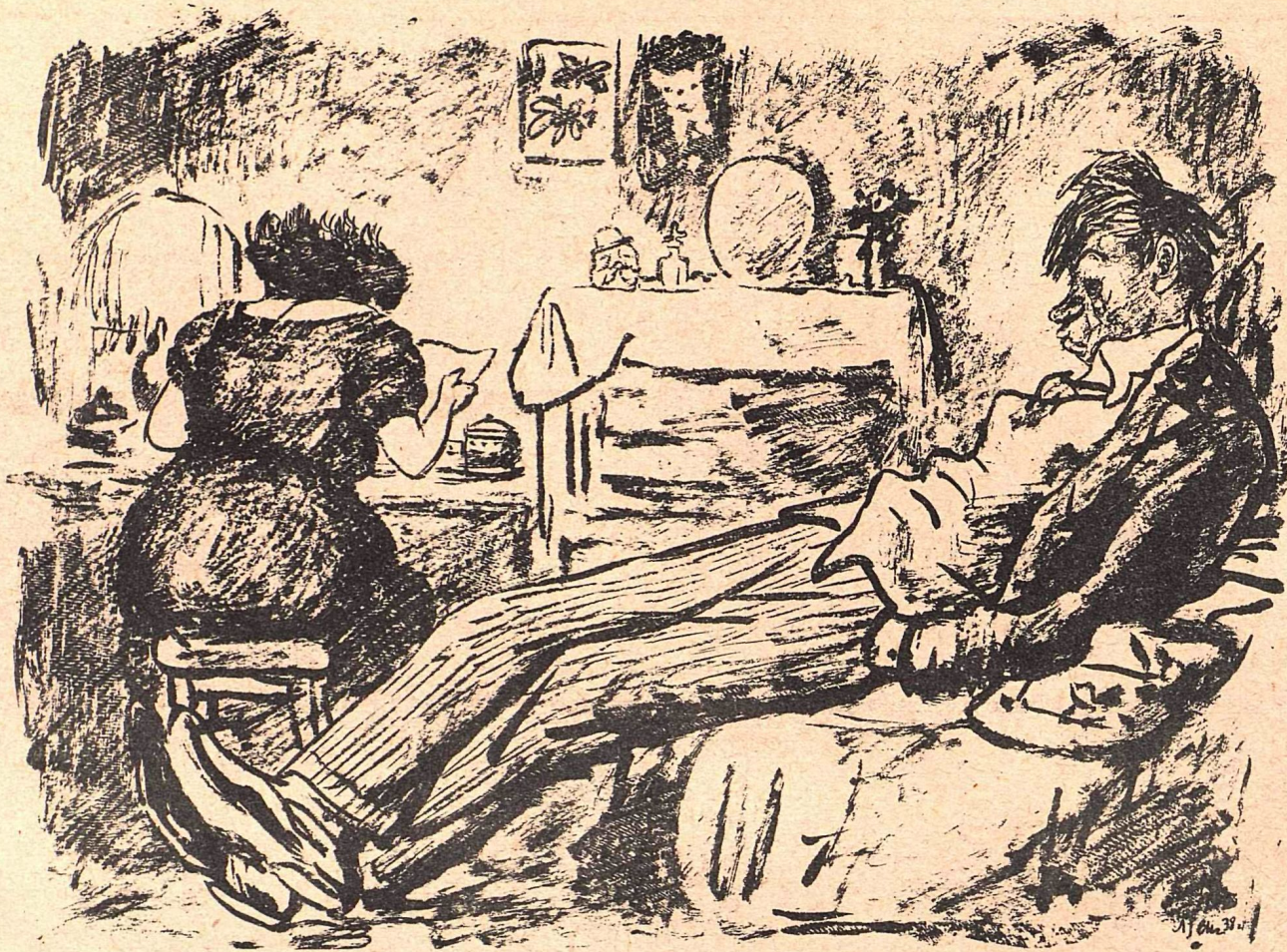

Рис. Л. Генча

ДОМАШНИЕ НЕПРИЯТНОСТИ

— На работе меня никогда не укоряют, когда я ничего не делаю, а дома только присядешь,—моментально начинаются упреки.

Неприятная фамилия

— Здравствуйте, товарищ директор!
 — А? Что?
 — Здравствуйте, говорю, товарищ директор!
 — А! Так бы и сказал. Здравствуй, здравствуй, красавец!
 — Я вот к вам, товарищ директор. Может, вы теперь заняты, так я в другой раз.
 — Я всегда занят. Всегда. Должность такая. Что тебе надо, голубь?
 — Я слесарь, товарищ директор.
 — Очень даже хорошо. Прекрасно. Мы слесарей ценим и уважаем.
 — Вот поэтому я к вам и пришел.
 — Очень даже хорошо. Прекрасно. У меня для всех двери широко открыты, особенно для слесарей.
 — Спасибо на добром слове, товарищ директор.
 — Ишь ты! Такой молодой—и уже слесарь. С какого времени, милый, у нас на заводе? Я на тебя давненько обратил внимание.
 — Спасибо, товарищ директор. А только я на вашем заводе не работаю.
 — Очень даже хорошо. Прекрасно. То есть, как не работаешь? Что же ты, красавец, делаешь?
 — Я на «Искре» работаю. В механическом цехе.
 — Ишь ты! А ко мне зачем пожаловал?
 — Имею желание уйти оттуда.
 — Очень даже хорошо. Прекрасно. Но я тут при чем? Ты не стой передо мной, как лист перед травой. Садись! (Звонит телефон, берет трубку). Алло! Да, это я. Что? Опять сегодня тридцать шесть человек не вышло на работу? Меня, старого воробья, этим не удивишь. (Кидает трубку). Заели нас, милок, эти прогулы. Но ничего. Зато у нас на заводе есть такие ударники и стахановцы, что любо-

дорого посмотреть! Орлы! Так зачем же ты все-таки ко мне пришел?
 — Хочу поступить к вам на завод.
 — Очень даже хорошо. Прекрасно. Нам кузнецы нужны. Мы кузнецов ценим и уважаем.
 — Спасибо на добром слове, товарищ директор. А только я не кузнец, а слесарь...
 — Еще лучше! Мы слесарей ценим и уважаем. А почему бросаешь прежнюю работу?
 — Да так... На «Искре» мне несподручно.
 — Несподручно? Замечательное выражение, несподручно... А почему несподручно? Говори на чистоту, как перед отцом родным.
 — С директором не ладу. Разошлись мы, значит, характерами. Прижимает он меня.
 — Прижимает, говоришь? Сергей Кузьмич? Мы с ним приятели. Толковый он хозяйственник. Но что правда, то правда. Характер у него тяжелый. Не со всеми умеет ладить.
 — Сушая правда, товарищ директор. Особенно прогульщикам от него житья нет. Обидно! Разве можно его сравнить с вами? Вы душа-человек. Вы никого не обидите.
 — Очень даже хорошо. Прекрасно. А ты откуда меня знаешь?
 — Земля слухом полна. С нашего завода уже несколько ребят перешло к вам. Как только кого-нибудь уволят за прогул, он незамедлительно идет к вам, Еремей Поликарпыч. Вот сплетничали про Васю Кудейкина, что он пьяница и легун. А у вас на заводе он уже вторую шестидневку работает — и ничего. Только два раза пришел в цех выпивши. С людьми надо уметь обращаться, Еремей Поликарпыч.
 — Да. Можем похвастать. На меня никто не в обиде. Это — у меня главное.
 — Вот это мне и нравится, товарищ директор.

— Чем же тебя прижимает Сергей Кузьмич?
 — Всем. Житья от него нет. Ну, бывает, опоздаешь на работу — шум. Даже грозитя уволить. А мне, думаете, легко сносить оскорбления?
 — Чего ты здесь болтаешь как сорока? Расселся в кресле, как барин, и всякую чепуху городишь. Ни про какие твои дела-делишки, прогулы-опоздания и знать не хочу. И ничего я не слышал, что ты тут молот мне целый час. У меня делов и без тебя много. Говори короче: чего тебе надо? Короче!
 — Извините за беспокойство, товарищ директор. Хочу к вам поступить на завод. Слесарь я.
 — Очень даже хорошо. Прекрасно. Так бы сразу и сказал. Нам слесаря нужны. Мы слесарей ценим. А болтать нечего. Завтра можешь приступить к работе. Но очень прошу тебя — не опаздывай. Как твоя фамилия?
 — Ситкин — моя фамилия.
 — Ситкин? М-да... Ситкин... Хороший ты парень, а фамилия у тебя неприятная!
 — Почему неприятная?
 — Такая фамилия у нашего нового руководителя легкой кавалерии. Он ладнях против меня статью в многотиражке написал. Я еще с ним поговорю, с этим молокососом!
 — Спасибо на добром слове, товарищ директор. А с этим Ситкиным вы уже поговорили. И даже очень хорошо поговорили.
 — То есть, как поговорил? Ничего, голубь, не понимаю.
 — А я, извините за беспокойство, и есть слесарь Ситкин, руководитель легкой кавалерии на руководимом вами заводе. А пришел я к вам, чтоб проверить ваше любезное отношение к лодырям и прогульщикам, товарищ директор. Рад, что лично познакомился с вами. Очень даже хорошо. Прекрасно.

Г. РЫКЛИН

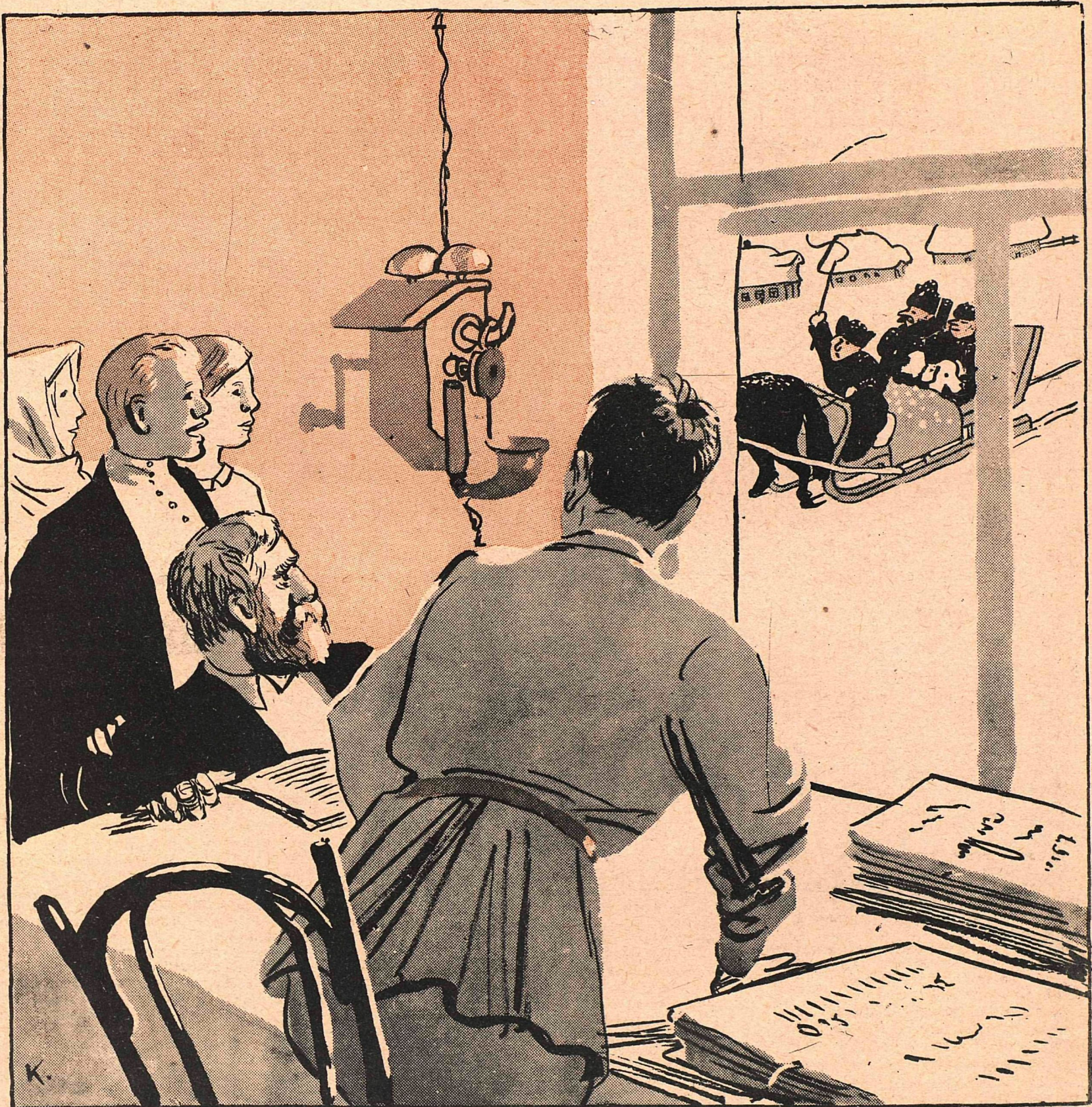

Рис. А. Каневского

ОХОТА—ПУЩЕ НЕВОЛИ

— Инструктор из района едет. Наверно, по нашему сигналу.
 — Скорее по моему: я ему заявлял, что у нас замечательная охота на зайцев.

Автомат

Автоматом мы называем такую машину, которая способна самостоятельно производить операцию, как бы сложна эта операция ни была.

Поэтому мы полагаем, что городской прокурор города Кызыл-Орда Мерзакожин и является такой машиной.

Городской отдел народного образования обратился к прокурору Мерзакожину с бумагой, в которой сообщалось, что в средней школе для взрослых имеются 4-е—8-е классы. Ввиду

этого горОНО просит прокурора содействовать «в привлечении тех товарищей, которые ранее посещали занятия»... Речь идет о привлечении в школу для взрослых работников прокуратуры.

Увидев знакомые слова «содействовать в привлечении», прокурор-автомат наложил автоматическую резолюцию:

«Признаки уголовного преступления отсутствуют, а поэтому не можем принять к производству».

Воображаем себе, сколь хорош прокурор Мерзакожин дома. Жена говорит ему:

— Котлеты зажарились. Иди обедать.

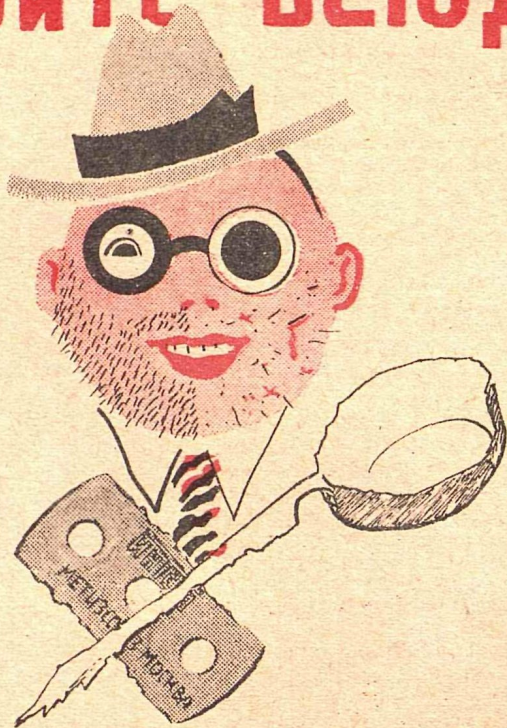
А прокурор ей:

— Признаков уголовно наказуемых деяний в этом факте не наблюдаю. Обедать не пойду.

Вероятно, среди автоматов прокурор Мерзакожин—довольно расторопный товарищ. Но для работников юстиции он несколько однообразен.

Я счастлив!

ТРЕБУЙТЕ ВСЮДУ!

ВПОЛНЕ ЗАМЕНЯЕТ
ЛЕЗВИЕ БЕЗОПАСНОЙ
БРИТВЫ,
КУХОННЫЙ НОЖ,
А ТАКЖЕ ТОПОР.

УНИВЕРСАЛЬНАЯ РАЗЛИВНАЯ ЛОЖКА ПРОИЗВОДСТВА З-ДА „СЕРП И МОЛОТ“ МОСКВА

Рис. И. Семенова

АННА КАРАВАЕВА О ПИЦЕ

О ХЛЕБЕ

...Она вынула небольшой круглый хлеб, покрытый темнозолотой чудесно-ломкой коркой; он был, как подушка невесты: высок и пышен и, казалось, дышал так же полно и ровно, как и грудь женщины. Она раскрыла нож и вонзила острие в нежно хрустнувший темнозолотистый панцырь. Пухлые, как дыплята, крошки посыпались с ножа, и мелко ноздреватый нежный ломоть разлеялся на серой станционной клеенке, как дородный, привыкший к любованию собой красавец. (Рассказ «Чаепитие».)

О САЛЕ

...Женщина развернула холстину и вынула кусок сала, гладкого, перламутрово-розового сала, сияющего, как детская щека под полуденным солнцем. Женщина отрезала длинный прозрачный пласт; он закачался на ноже, как большой сочный лепесток, издающий жирное благоухание. (Рассказ «Чаепитие».)

О САХАРЕ

...Татьяна молчала, как бы что-то выжидала, и звонко разгрызала сахар своими крепкими

зубами. Сахар таял у ней на языке, смело свиста и щечка, как соловей. (Рассказ «Чаепитие».)

О ЧАЕ

...Она пила чай, и все эти сочные шумы порхали над ее блаженно вспотевшим лбом, над ее пышным хлебом и розовым, как утро, салом. (Рассказ «Чаепитие».)

...Голубая клеенка сияла под лампой, как спокойная водная гладь. Синий, с яркозелеными листьями и оранжевыми цветами, большой пузатый чайник возвышался над краями подноса грузный, пестрый, фантастический, как наша из сказки, едущий по озеру во двор одалисок. (Рассказ «Поэтический фронт».)

...На столе же все словно потускнело, похолодело, как на бранном поле во время передышки между сражениями. Круглобокий чайник разделал двух женщин, как преграда, которую можно взять только натиском...

...Она дрожала и качалась, как лошадь с пербитыми ногами, и злыми, нестуженными глазами озирала стол, за которым только-что наслаждалась чаепитием. (Рассказ «Чаепитие».)

ДРУЗЬЯ мои, я счастлив! Вы даже представить себе не можете, до чего я счастлив! Вот, пожалуйста, смотрите на меня во все глаза! Я сейчас могу запеть несмотря на полное отсутствие тенора, могу сбогнуть братьев Знаменских! Вам, конечно, в глубине сердца немного завидно и хочется знать, что бы такое сделать, чтобы быть на моем месте... И не пробуйте, не выйдет!..

Больше скажу, еще совсем недавно никто не захотел бы быть на моем месте, потому что недавно я фактически погибал.

Вот теперь попробуйте войти в мое положение.

Лет мне, как вы сами понимаете, 18 с половиной, и все эти 18 с половиной лет зовут меня Тора или Тара, как хотите.

Живу это я честь-честью, учусь, зачеты сдаю. Сдал четырнадцать предметов на «отлично», вышел круглым отличником. Меня учебная часть поздравляет, к фотографу посылает, говорят, будем бюллетень выпускать «Отличники учебы», и там фотография каждого, имя, отчество и фамилия, и краткие биографические сведения. Положение приятное, но... есть тут одно ужасное «но»!

И еще одно событие. Я влип, то есть врезался по уши, ну, просто заело, а научно выражаясь, полюбил одну девушку.

Ее Женей зовут, а меня... Словом, подошла эта весна. Я чувствую, что без нее жить не могу, она без меня — тоже. Комната есть, и решили мы вместе, что как только зачеты сдадим, идем в загс. И вот тут загвоздка.

Дело в том, что у меня имя... То есть, имя у каждого, но для других оно вроде роскоши, а для меня — предмет первой необходимости. Вас как зовут? Наверное, Петя или Коля, и вы благодарны за все своему старому папаше, а у меня против моего зуб.

Родился я, когда уже и царя и бога отменили. Меня, конечно, не крестили, а октябрили в клубе. И отцу, вероятно, подсказал какой-то «доброжелатель» назвать меня Трактором. А полностью я Трактор Николаевич Петров.

До сих пор я об этом умалчивал: зовут Тарой — и ладно, — а тут... В бюллетене появится: «Отличник учебы Трактор Николаевич Петров» — вот хохоту будет!.. А что я Жене в загсе скажу?

Правда, была у меня сберкнижка, хранившая тайну взносов. На ней 42 рубля. Так сказать, фонд на перемену имени. Но события идут быстро. Весна, ветер, солнце... Женья намекает, что хорошо бы в свободный день прокатиться по Волгоканалу — красивейшему из всех каналов. И вот я дрожащей рукой закрываю текущий счет № 2526, достаю два билета, покупаю новый галстук за 12 рублей 80 копеек, и мы едем. Она смеется, а я... — Что с тобою, Тора?

Когда она произнесла мое имя, я невольно вздрогнул.

— Нет, ничего, ничего, — отвечаю я. — Просто мне показалось, что ты меня назвала Тарою. А я очень не люблю, когда меня так называют.

Женья посмеялась и спрашивает:

— Кстати, как твое полное имя?

— А? — небрежно говорю я. — Меня зовут...

Одним словом, можешь меня называть Торою. Я не обижаюсь, если меня называют уменьшительным именем...

— Нет, ну все-таки? — настаивает Женья. — Я ведь почему спрашиваю: иногда встречаются такие странные имена.

Беззвучно я спросил:

— Что ты хочешь этим сказать?

— Да вот, например, меня, — говорит Женья, — меня самое зовут Выдвиженка. Я так и записана: Выдвиженка Егоровна.

Можете себе представить, как я обрадовался!

— Женечка, — говорю, — ведь и меня зовут Трактор!

Мы поцеловались и решили переменить оба имени в один и тот же день, когда получим следующую стипендию. Вот почему я такой счастливый!

С. СЕДОЙ

День моего рождения

В некоторых аэроклубах процветает воздушное хулиганство. В Таганроге летают на бахи за арбузами. В Невьянске — за пивом.

НА ДНЯХ мне исполнилось двадцать восемь лет. Не знаю, как для других, а для меня лично это было приятным событием. И мне захотелось в кругу хороших друзей уютно, по-семейному, отпраздновать день рождения. Я стал звонить самым близким знакомым.

Николай принял приглашение, но поставил одно условие:

— Или я прихожу с дядей или никак, — сказал он. — Человек приехал из Кинешмы на два дня и должен веселиться. Он молочный специалист...

Я не совсем понял, почему молочный специалист должен веселиться именно у меня, но смолчал.

Верочка сначала вообще отказывалась прийти. Потом она сказала:

— Видите ли, завтра я обещала зайти к подругам. Это двоюродные сестры Лерочка и Мика. Они такие дружные, такие ужасно милые, просто прелесть. Если хотите, мы вместе зайдём к вам.

Я сказал, что хочу. Что еще я мог сказать? Зато Виктор согласился сразу.

— Хорошо, мы с Кирой придём.

— Кто это Кира? — спросил я.

— Увидишь, — сказал Виктор.

На другой день я ждал гостей с чувством острого любопытства. В девять часов раздался первый звонок. Я стремглав бросился к двери, но мать, оказавшаяся в коридоре, первая приняла удар.

— Вот и я, — прокричал гость, — наше вам «ура»! С серебряной свадьбой вас!

— Какая свадьба?! — удивилась мать.

— Разве не свадьба? Ах, да, свадьба это у Ковровых, послезавтра в десять. У вас октябрины. Ну, показывайте сына! А-а, вот и счастливый отец! Поздравляю! По такому случаю мировой выпивон закатым! Как у тебя насчет водки? Бабушка, небось, запасла?

— У меня нет бабушки, — тупо заметил я, — у меня нет сына.

— То есть как нет? Подо что же пить? Ты не финти! Раз пригласил на октябрины, должно быть дитя.

— Вы, товарищ, ошиблись, здесь у нас рождение, — сказала мать.

— Рождение? А я пришел на октябрины. Или нет, октябрины завтра у Хлюповых. А у вас... Позвольте, это у вас Витка знакомый?

— У меня.

— Тогда правильно. Действительно, рождение. Ему, видишь ли, вдруг дежурить приспичило. Так он послал меня одного. Передай, говорит, нашему обалдую Мишке привет. Ему двадцать восемь стукнуло. Значит, ты новорожденный и есть?

— Я.

— Смотрите, какой кедрило вырос! А я Кира. Ну, поздравляю. Да чего мы здесь стоим? Пойдем в комнату. Хотя нет, ты встречаешь гостей, а я там все устрою...

Вера оказалась в т-атре, но двоюродные подруги все-таки пришли. У них были совершенно одинаковые желтые казакины, брови и губы одного рисунка. Когда Лерочка начала фразу, Мика резко подхватывала конец. Впрочем, иногда они говорили и хором.

— Поздравляем вас... — сказала Лерочка.

— ...с днем рождения, — продолжила Мика.

— Очень приятно познакомиться, — закончили они хором и одновременно протянули руки.

— Ладно, ладно, раздевайтесь! Мишка, помоги дамам снять пальто, — скомандовал Кира. — А вы не скучайте, я сейчас. У меня тут дела по хозяйству.

Следом за двоюродными девицами прибыл Николай с дядей — молочным специалистом. Молочный дядя оказался человеком пожилым и педантичным. Раздевшись, он достал из кармана мелок и поставил на калошах свои инициалы.

— Чтобы не увели, — пояснил он.

Мы прошли в комнату. Тут ко мне подскочил взъерошенный Кира.

— Слушай: где у тебя патефон? Говори сейчас же, где?!

— Нету, а что?

— Нет патефона?! Тогда вот что: я сейчас

звякну Ростик. Он такие пластинки оторвал — закачаешься.

— Кто это Ростик? — с тревогой спросил я.

— Мировой типок! Он, правда, немного не в себе. Ну, такой, малахольный. Но танцует — будьте уверочки!

Все были уже в сборе, когда явился Ростик с патефоном и длинной блондинкой.

— Я... это... ну, как его... поздравляю... — промямлил он, обращаясь к стенным часам.

Потом подумал немного и добавил:

— С этим... ну, вот с тем...

— С рождением, — подсказал Кира.

— Правильно... — согласился Ростик и почему-то пожал руку Лерочке.

Вскоре выяснилось, что большинство гостей встречались уже на других именинах и знакомы между собой. За столом у них завязалась оживленная беседа. Мне было несколько хуже. Справа от меня сидел молочный специалист. Племянник, оказавшийся по разверстке Кирой между Лерочкой и Микой, не мог следить за своим приезжим родственником, и молочный дядя сильно налег на спиртное. Время от времени он пытался передать мне секрет производства сыра. Вероятно, он добился бы своего, если бы ему не мешала сидевшая слева от меня длинная блондинка.

— Скажите, — спрашивала она, — вон тот молодой человек — не архитектор? Вы знаете, мой первый муж говорил, что архитекторы жутко много зарабатывают. Это, наверно, ужасно интересно! Вы меня познакомите с ним, да? Это, должно быть, очень мило танцевать с архитектором!

— Но он...

— Ах, я обожаю искусство! Все говорят, что я очень талантливая, верно, Ростик?

— То есть... это... Ну, так сказать... — подтвердил Ростик.

— Вот видите! А кто этот старик? Инженер? Вы знаете, мой второй муж тоже был инженер...

Тут проорвался дядя:

— Я, можно сказать, по сыру первая величина. И я желаю, чтоб ты тоже была величина. Молочное дело, можно сказать, — моя специальность. Сейчас я тебе все объясню.

Но не сдавалась и блондинка:

— Я сама почти инженер! Спросите у Ростика, если не верите. Я ужасно люблю разные чертежи и цифры. Вы знаете, мой третий муж...

— Ты берешь обыкновенное молоко, — настаивал дядя, — и производишь из него сыр. Рокфор! Стандарт № 3. А как? Ты ж не знаешь, как. Вот сейчас я тебе все расскажу.

К счастью, начались танцы. Кира заставил меня и дядю выносить столы в кухню, а сам тем временем открыл бал.

Когда мы выносили последний стол, я услышал, как кто-то из танцующих спросил партнершу:

— Что это за кретин таскает мебель?

— Который? Вон, тот, скучный?

— Ну да.

— Не знаю, надо спросить у Кире...

Все это было выше моих сил. Полчаса я присидел на кухне, между раковиной и столиком. Потом, воспользовавшись сутолокой, я выскользнул на лестницу и с тревогой прислушался. Из-за двери доносился звучный голос Кире:

— Пермете муа! Сейчас мы исполним мировой танец...

Мне пришлось разбудить швейцара и просить приюта. Добрый старик отвел мне сундук. Но я не мог спать. В четыре часа утра я позвонил домой.

— Говорит мишин приятель Виктор, — сказал я, — у меня кончилось дежурство. Можно приехать в гости?

— Валяй! — ответил бодрый голос Кире. — У нас тут самое веселье. Правда, хозяин куда-то запропастился. Ну, да чорт с ним. Надрызгался, наверно. Приезжай скорей...

Я не приехал. Мне было так хорошо на тихом и уютном сундуке. Здесь я чувствовал себя совсем по-семейному.

А. РАСКИН, М. СЛОБОДСКОЙ,

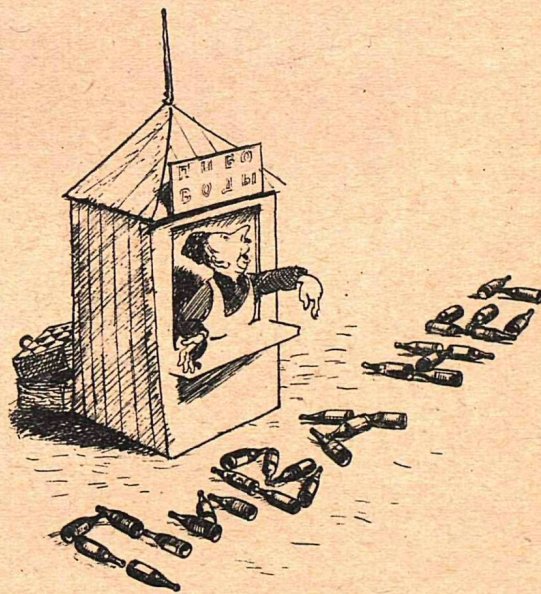

Рис. К. Ротова

Опознавательные знаки.

ИЗ ЖИЗНИ ПОКОЙНИКОВ

На первой странице номера 154 газеты «Советское искусство» опубликована заметка «25-летний юбилей Одесской консерватории», из которой читатели узнали, что

«в 1897 году при поддержке композитора Антона Рубинштейна было открыто в Одессе музыкальное училище...»

Из «Календаря искусства», опубликованного на четвертой странице того же номера той же газеты, явствует, что

«20 ноября 1894 года в Петергофе умер великий русский музыкант Антон Григорьевич Рубинштейн».

Нас запрашивают, какими спиритическими чудесами следует объяснить полезную заграничную деятельность Антона Рубинштейна, содействовавшего через три года после своей смерти открытию Одесского музыкального училища.

Может быть, на этот вопрос ответит редакция «Советского искусства»?

— Что значит в наше время расстояние? Это ведь ерунда, и кроме того я тебя очень люблю, Костя.

Истомин оживился.

Так уехал из Ленинграда Костя Истомин на далекий остров Сахалин. Подходила к концу зима. Весть о том, что у Ольги Золотовской должен родиться сын, мигом облетела весь цех. Ее поздравляли, молодые и старые товарищи окружили Ольгу заботой, и будущий сын Золотовской становился цеховой гордостью.

Сыну Золотовской придумывали имена. Комсомолец Рогозин носил в своей записной книжке целый каталог имен, их насчитывалось уже штук двадцать пять.

И вот наступил день, когда Ольга Золотовская пришла уже не работать, а прощаться с товарищами. Она уезжала в заводской дом отдыха. От имени цеха слово на прощанье сказал старый токарь Осьмушко:

— Так имей, мамаша, в виду, когда тебе, значит, приступить... э... э... придет... пора, ты нам телеграмму, а мы тебя на директорской машине у вокзала встретим и доставим в полной сохранности.

Из дома отдыха Золотовская написала два письма: одно — Косте Истомину на далекий Сахалин, а второе — механическому цеху, так и было написано на сером конверте: «Механическому цеху». О содержании первого письма мне говорить трудно, но второе письмо мне пришлось читать. Здесь было и о весне, и о работе, и просьба отвечать на письма. Письмо пришло к начальнику цеха Бондареву. Надорвав серый конверт и развернув листок, он прочел совсем не обыденные для хозяйственника, особенно в горячую пору, слова: «Здравствуйте, хорошие мои!» Но его позвали к телефону. Бондарев сунул письмо в какой-то ящик, и оно было забыто. Наконец, пришло время Ольге Золотовской возвращаться обратно в Ленинград. Тогда в цех пришла телеграмма:

«Встречайте двадцатого ваша Золотовская».

Но и телеграмма в производственной горячке была куда-то положена и забыта.

Двадцатого числа Ольга Золотовская вышла из вагона на перрон, но ее никто не встречал. Обещанного автомобиля у подъезда не было. Чувство недоумения, а затем и обиды овладело Ольгой. Но она не могла допустить мысли о том, что о ней забыли. Может быть, не дошла телеграмма? Но ведь и письмо осталось без ответа.

И вот рано утром, когда над городом проходил первый весенний ливень, у Золотовской родилась дочь. Ольга лежала в просторной светлой палате, смущенно, но тепло улыбаясь, как могут улыбаться молодые матери. В эти минуты она была счастливейшей из людей. Молодой безусый врач поздравил ее:

— У вас, товарищ, хорошая девочка, хотя нет, хорошая нас теперь мало удовлетворяет — отличная девочка.

Потом врач ушел, и Ольга осталась одна. Два дня Золотовская жила надеждой, что о ней кто-нибудь вспомнит, но это была только надежда. С затаенной завистью и обидой она следила за своими соседками, которые получали записки от мужей и родных, сквозь слезы она видела большие и скромные букеты цветов, переданные через сиделок от любимых людей. Сльга была одинока, где-то далеко на Сахалине у нее был любимый человек, а друзья? Друзья, видимо, изменили ей.

Три раза в день на белой карточке медицинская сестра отмечала температуру Золотовской, и для врачей это были странные и непонятные цифры: тридцать семь и пять, тридцать семь и восемь. Так длилось десять дней. Врачи забеспокоились. Большая ни на что не жаловалась. Анализы крови и исследования тоже ничего не могли объяснить, и на десятый день, вечером, был созван консилиум. Маститые профессора произносили ученые речи, спорили, курили, рассуждали, и никто из них не заметил, как молодой врач, первый поздравивший Золотовскую с отличной доч-

Рис. И. Семенова

НА ТОМ ЖЕ МЕСТЕ...

— Итак, завтра в восемь на этом же месте...

(См. рис. на 7-й странице).

Лекарство

НЕДАВНО мне пришлось побывать в механическом цехе одного из наших машиностроительных гигантов. Приехал я раньше времени и в ожидании нужного мне человека стал читать плакаты, приказы, распоряжения, которые висели на коричневой доске у конторы начальника цеха.

И вот в каком-то приказе меня привлек один пункт. Он был сух по форме, но не совсем обычен по содержанию:

«За нечуткое отношение со стороны администрации механического цеха к токарю О. М. Золотовской объявляю выговор начальнику цеха Бондареву».

Меня этот пункт очень заинтересовал. Обратиться за объяснением к начальнику цеха Бондареву, сами понимаете, было не совсем удобно. Но тут я заметил какого-то человека, он стоял невдалеке, возле умывальника, и вытирал руки. Я подошел к нему.

— Извините, товарищ, — сказал я, — может быть, вы объясните мне: за какое нечуткое отношение ваш начальник цеха получил выговор?

Он, видимо, понял, о чем идет речь:

— И совершенно правильный выговор, я бы сам подписал такой приказ.

Я посмотрел на своего собеседника.

— А, видимо, ваш начальник — изрядная скотина, если ему за нечуткое отношение выговор в приказе дают?

— Ну, изрядная скотина или нет, мне, признаться, трудно судить, но выговор справедливый, и я его вполне заслужил.

— Простите, — говорю я, — как вас понять?

— Понять, — говорит, — очень просто, моя фамилия Бондарев, я и есть начальник цеха. Вы не смущайтесь. Зайдите ко мне в кабинет, посидите, расскажу, в чем дело...

Токарю Ольге Золотовской было двадцать лет. Она была знатным человеком завода. И пусть извинит меня Оля Золотовская, что я открою перед вами ее личную жизнь. К Ольге пришла любовь, правда, совсем не в урочное время, то есть осенью, когда моросят дожди и люди зябнут на трамвайных остановках. Но ведь сами понимаете — любовь. Она заставляет видеть солнце сквозь дождь, зябкие ночи превращает в пленительные летние вечера. Чорт знает, какие чудеса может творить любовь! Золотовская полюбила искренно, горячо и преданно, как только можно любить в двадцать лет.

Костя Истомин был хорошим парнем, но у него была немного неудобная специальность. Он был метеорологом, ну, знаете, из этих, которые погодой занимаются. И вот в один прекрасный день, явившись на свидание, он, запинаясь и волнуясь, сообщил:

— Чорт знает, что получается! На Сахалине заболел метеоролог, и мне предложили через три дня отправиться во Владивосток, а затем на Сахалин.

Оля Золотовская растерялась: она хотела сегодня сообщить Косте другую весть, что, по всей вероятности, у них будет сын, но, видя состояние любимого человека, она воздержалась от такого сообщения и стала успокаивать Костю:

кой, выскользнул из кабинета. Но он вскоре вернулся, в ту самую минуту, когда заговорил известный профессор. Но молодой врач не дал говорить своему бывшему учителю. Он забыл о вежливости и о почтении, потому что был взволнован.

— Коллеги! — произнес он запинаясь. — Для меня совершенно ясна причина повышенной температуры. Больная одинока, ее никто не навещает, муж у нее где-то на Сахалине, и вот сиделка говорит, что когда в палату приносят передачи, Золотовская, уткнувшись лицом в подушку, плачет.

Не выслушав, что скажут старшие товарищи, молодой доктор быстро, на ходу снимая халат, сбежал в вестибюль и через полчаса был в проходной конторе завода. Было уже поздно. Ни директора, ни секретаря парткома на заводе не оказалось. И только после долгих уговоров и просьб ему удалось узнать домашний адрес директора.

Старый, седой холостяк директор завода Иван Сергеевич Кочетов лежал у себя дома на диване, пытался читать газету и проклинал свою печень. Вдруг в комнату без предупреждения ворвался молодой человек и, опустившись на стул, сердито крикнул:

— Я врач родильного отделения больницы. Что вы делаете, товарищ директор! Ведь вы в человеке повышенную температуру десятый день держите!

— При чем здесь я? Я холост и никогда женатым не был.

— У вас в одном из цехов работает токарем Ольга Золотовская.

— Золотовская? Ну, конечно, работает, замечательно работает, ну что, родила сына?

— Не сына, а дочку.

— Ну, это формальности.

И врач рассказал директору о температуре, о слезах, о консилиуме, и обо всем том, о чем вы уже знаете.

Рано утром у под'езда больницы остановилась директорская машина. Опираясь на палку, из машины вышел Кочетов, а за ним нагруженный кулками и пакетиками токарь Осьмушко. Время было неурочное для приема, но предупрежденный швейцар их пропустил.

Дежурная сестра в пенсне на черном шнурке долго смотрела то на Осьмушко, то на Кочетова: ей было трудно определить, кто из них отец, но опытный глаз сразу определил отца в Кочетове.

— Вы отец?

Директор покраснел и закашлялся. Ему захотелось сказать, что он только директор, но дежурная сестра уже поздравляла его:

— Замечательная дочка, хороший вес, и я бы даже сказала, уже на вас похожа.

— Хм... то есть, как похожа?

— А очень просто, глаза ваши — это определено, и рот ваш, вот посмотрите.

Дежурная приняла из рук няньки какой-то сверток и протянула его Кочетову.

Директору стало душно.

— Да, да, — мычал он.

А Осьмушко, разглядывая новорожденную, пришел в восторг.

— Ну, ну, — прошептал он, — про эту девочку ничего не скажешь!

Когда Кочетов с мастером направились в палату Золотовской, дежурная сестра шепнула сиделке:

— Седой человек, а какой brave мужичина в такие годы... Это удивительно.

Но несмотря на шопот директор все слышал, он подтянулся и даже позабыл про печень.

К вечеру у Золотовской температура упала, а в цехе, на коричневой доске, появился приказ с выговором Бондареву за непрочитанные письма.

М. ТЕВЕЛЕВ

...В ТОТ ЖЕ ЧАС

— Я здесь, Вася!..

Квинт-эссенция

Бравый солдат Швейк говорил конвоирующему его капралу:

— Да мало ли слов, за которые никто не подлежит наказанию. Если, к примеру, мы бы вам сказали, что вы — выхухоль, могли бы вы за это на нас рассердиться?

Капрал не знал, что такое выхухоль, но все-таки злился на добродушного Швейка. За несмыслимое оскорбление принял он и неведомое ему слово «эмбрион», сказанное по капральскому адресу приятелем brave солдата.

В положение гашековского капрала попал недавно студент третьего курса торгово-экономического факультета Московского института имени Плеханова С. П. Ломов.

«Однажды в учреждении один пошляк назвал меня «квинт-эссенцией», — сообщает нам с горечью и негодованием С. Ломов. — Я, конечно, из себя вышел. Я доказывал, что я — человек и т. д.

Но, не зная этого слова, я не мог оправдаться как следует».

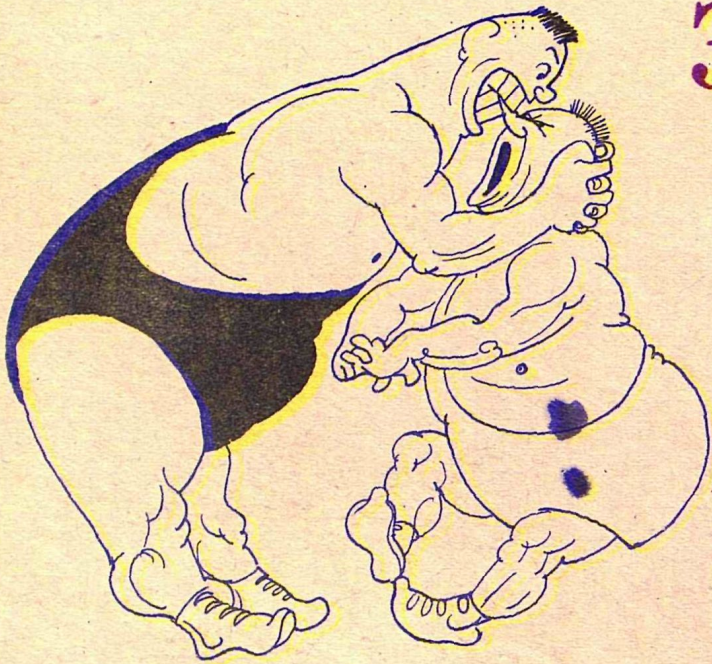
Кроме того Ломов лично являлся в Крокодил и подтвердил, что, доучившись до третьего курса вуза, он так и не узнал, что же такое квинт-эссенция. Оправдываясь в своей неосведомленности, Ломов напирал главным образом на то, что на рабфаке, где он учился до института, квинт-эссенцию не проходили.

Нам также стало известно, что вместо «букинистический магазин» Ломов упорно пишет «Бакунистический». И даже с большой буквы. Очевидно, он полагает, что основоположником торговли старыми книгами является анархист Бакунин.

Одним словом, что простительно австрийскому капралу, то совсем непростительно советскому студенту.

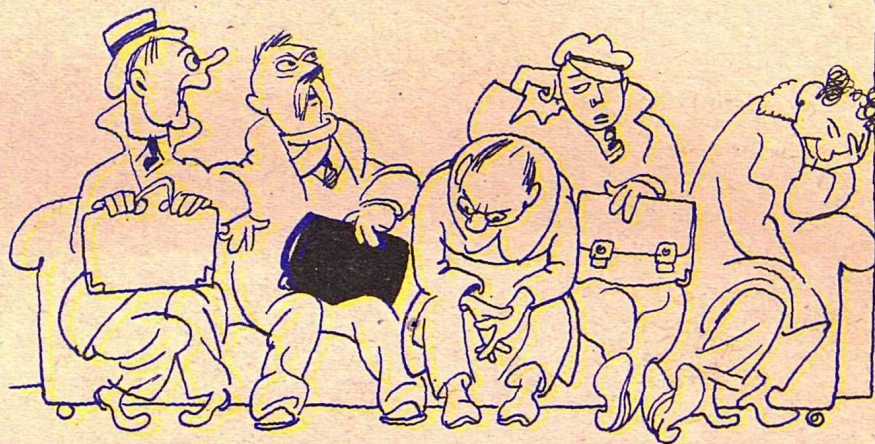
Запрещенные приемы

Рисунки К. Рогова

Многим известны запрещенные приемы французской борьбы. Крокодил, однако, решил поставить вопрос о запрещенных приемах шире.

Ниже мы с далеко не исчерпывающей полнотой показываем запрещенные приемы в различных отраслях жизненной деятельности человека.

В АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЖИЗНИ
Запрещенный прием при приеме посетителей.

В ТРАМВАЕ

— Гражданин, как вам не стыдно так толкаться!..

— Помолчала бы!.. А еще в шляпе!..

В БЫТУ

1-й день пятидневки.

— Я так одинок, Верочка!

3-й день пятидневки.

— Я так одинок, Надечка!

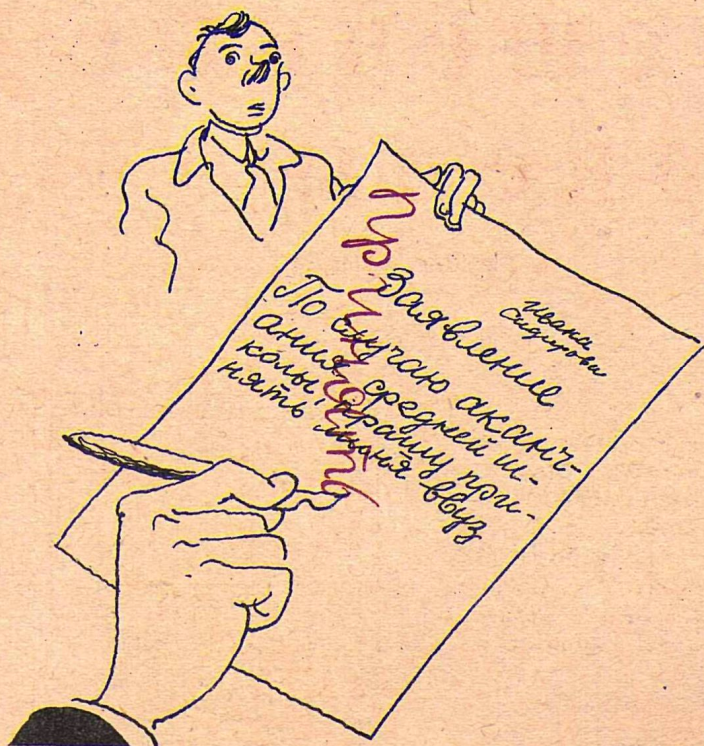
5-й день пятидневки.

— Я так одинок, Сонечка!

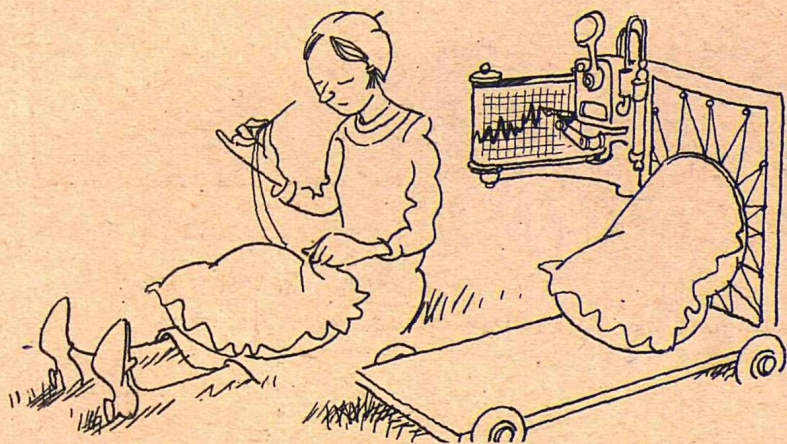
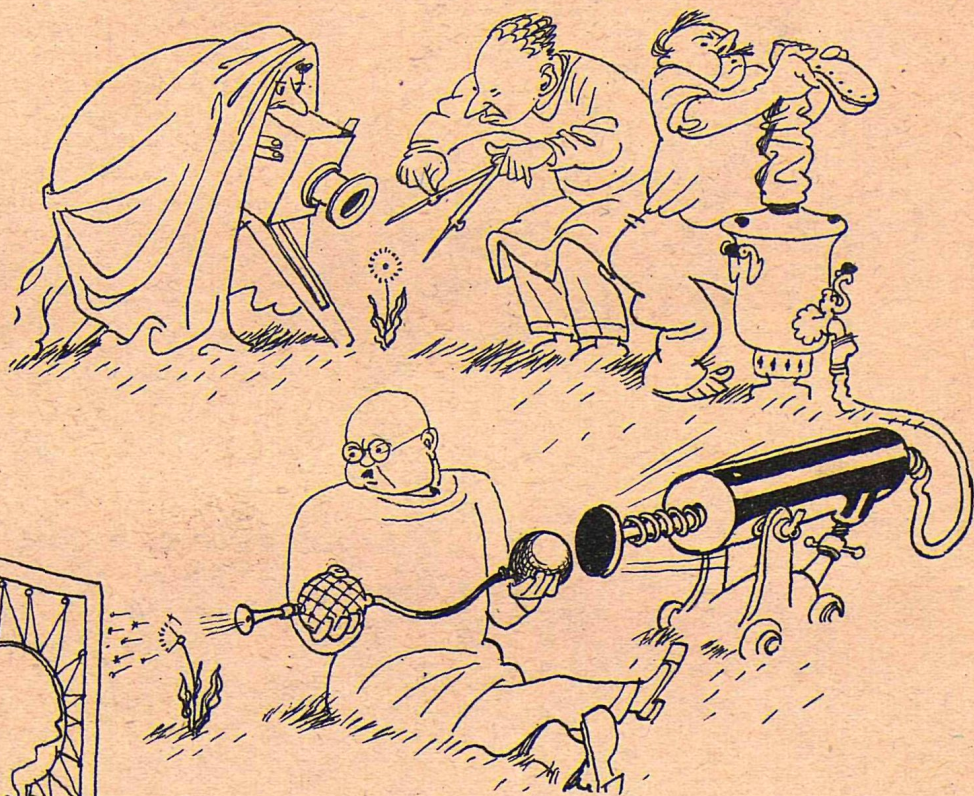
Выходной день.

— Я так одинок, Любочка!

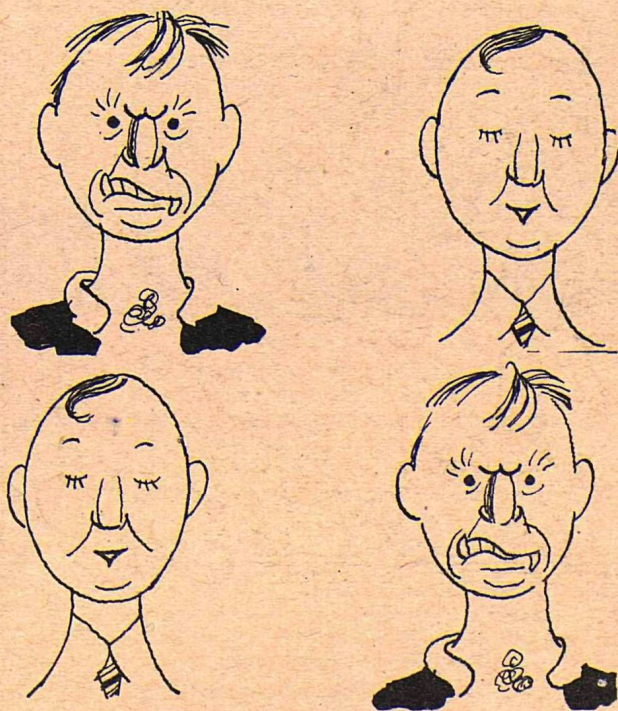
В ПОДГОТОВКЕ КАДРОВ

Прием в вуз неграмотных молодых людей.

В НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

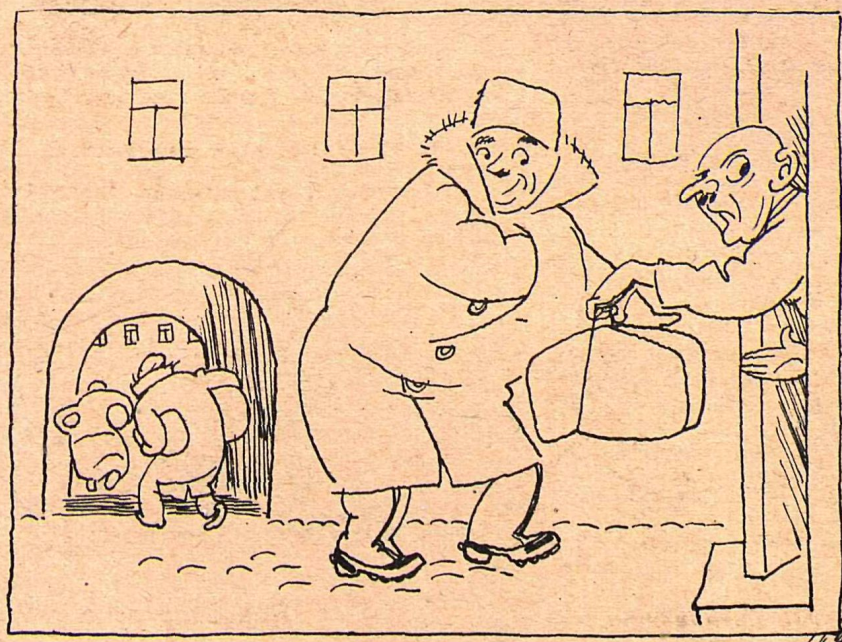
Здесь художник изобразил за работой выездную бригаду некоего лже-научно-исследовательского института по изучению возможностей набивания диванных подушек пухом одуванчиков.

В ДРАМАТУРГИИ

Здесь показан излюбленный персонаж некоторых драматургов. Года три—четыре назад он был преступником в первом акте и, наскоро перековавшись, становился светлой личностью в последнем. А в последнее время тот же тип появляется как светлая личность в первом акте и разоблачается в последнем.

Штамп в драматургии—запрещенный прием в искусстве.

В ТОРГОВЛЕ

Прием покупателей-спекулянтов с заднего крыльца.

Читая борисоглебскую „Колхозную правду“, часто можно встретить заметки и статьи за подписями Золотарева, Степного, Колина и других. Неискушенный читатель может подумать, что это фамилии различных авторов; в действительности — это штатный работник газеты Качанов. „Рекорд“ побил заведующий массовым отделом газеты Н. Колотилин. Он выступает в своей газете за одиннадцатью псевдонимами.

Рис. Л. Сойфертиса

ЕДИН ВО ВСЕХ ЛИЦАХ,
или
редакционное совещание газеты „Колхозная правда“.

Голубой и серый

РАЗДАЛСЯ гудок паровоза, и пятидесятивагонный товарный состав тронулся. На одной из платформ прикрытые брезентом стояли два новых автомобиля: шикарный голубой «Зис» и скромный серый «М-1».

— Поехали! — мягким басом сказал «Зис».
— Поехали! — тенорком подтвердил сосед.
— Ну, что ж, будем знакомы, «Зис-101».
— Чрезвычайно приятно, «М-1».
И они слегка стукнулись буферами.
— Куда изволите ехать? — улыбаясь спросил «М-1».

— В столицу одной из наших республик. Прекрасный, говорят, город. Асфальт, гудрон. А какие гаражи! Механизированная мойка! Профилактика! Уход! Первосортное масло! Авиобензин! А вы, коллега, куда?

— Ах, не спрашивайте! Я всего пять дней как с конвейера. Меня посылают... в деревню. Правда, там колхоз — миллионер и всего в пяти литрах горючего от города. Я мечтал о другой работе...

— Как говорится: «Автомобиль предполагает, а человек располагает».

— Вот именно! Я прекрасно понимаю, что я автомобиль скромный, четырехцилиндровый, необтекаемый, но тем не менее я «М-1», а не «Пикап» какой-нибудь. Я происхожу от весьма почтенных «Газов»... Я просто гудков не нахожу, чтобы выразить свое возмущение.

— М-да. Не повезло! Это вы правы. С вашими ресорами вам там трудно будет. А какой гараж вас ожидает: справа грузовик, слева трактор. А шофер? Из бывших трактористов, который будет вас перегревать на «первой скорости». От всего магнето сочувствую вам, коллега.

— Клянусь покрывками! — воскликнул, обливаясь горячими слезами, «М-1». — Я в таком состоянии, что готов выпрыгнуть из поезда. «Пропадай мой серый кузов, все четыре колеса». Чем угодно, хоть мотоциклетом, но только в город.

— Ну, это вы слишком! Вы мне напоми-

наете такой автомобиль, который скорее согласен быть в городе похоронным автобусом чем в колхозе гоночной машиной. Это неверно! Мы везде и всем нужны.

— Везде! Всем! Вот вас пошлют в деревню, послушаем, что вы загудите.

— Меня! В деревню? Простите, у вас, очевидно, в двигателе винтика не хватает.

— Меня вот посылают.

— Так то вы, а то я.

— Скажите, пожалуйста, какой самолет нашелся.

Они недружелюбно посмотрели друг на друга и замолчали. Всю ночь «М-1» не сомкнул фар. И только под утро забылся нервным сном. Ему снилось, будто он стоит в стойле и чернобородый конюх засыпает ему овес в бак, царапая скребницей его блестящие дверцы и покрикивает: «Но-но, милай! Не балуй!»

Утром оба автомобиля были выгружены.

— До свиданья! — обращаясь к «Зису», ласково сказал «М-1», уже забывший вчерашнюю ссору. — Может быть, еще увидимся.

— Может быть, — язвительно ответил «Зис». — Вот в город с картошкой приедете.

И они раз'ехались. Всю дорогу, от станции до колхоза, «М-1» внимательно смотрел перед собой, ожидая каждую минуту удара по ресорам и амортизаторам. Молодой шофер вел его на «третьей скорости» очень ловко и умело, об'езжая лужи, выбоины и ухабы. В колхозе его поставили в деревянный гараж.

— А-а! Эмочка Одиновна! — радостно воскликнул рядом стоящий «Газик». — Честь и место!

— Ну, как тут у вас? — с волнением спросил «М-1».

— У нас? Ничего! Бегаем, прыгаем.

— А как насчет масла, бензина, профилактики?

— Все как полагается, профилактика маленько хромает, а так ничего.

— А что я здесь делать буду?

— Ясно, что не пахать, не сеять. Людей возить.

— Председателя?

— Нет. Я «председательский». А ты наших стахановцев да ударников. Агронома, учителя. Может, когда в город пошлют.

— С картошкой?

— Что ты! У нас для этого два грузовика имеются. Славные ребята! Да ты не бойся, без километража стоять не будешь.

Три дня «М-1» не выезжал. В гараж приходили колхозники, смотрели на него, нежно гладили по капоту, открывали дверцы, заглядывали внутрь и уходили. Он перезнакомился со всеми своими «согаражниками». Это оказалась очень дружная и приятная компания: веселый неугомонный «Газик», «Пикап» и два солидных пятитонных грузовика.

На четвертый день, вернувшись поздно вечером, «Газик» сообщил, что завтра в колхозе какое-то торжество, что он только что возил председателя и слышал, как тот говорил шоферу, что завтра приезжает уроженец нашего колхоза, герой боев у озера Хасан, что мать этого героя повезут на вокзал... А потом у него, как нарочито, начал стрелять глушитель и он ничего больше не мог расслышать.

Утром в гараж пришли ребята и начали укрывать «М-1» цветами, зеленью и красными лентами. Потом он выехал. Под'ехал к маленькому домику, где председатель и еще несколько колхозников посадили в него улыбающуюся старушку, и он поехал в город. И когда он после митинга на привокзальной площади, разукрашенный, слегка опьяненный звуками оркестра и аплодисментами, медленно и торжественно вез старушку и ее сына-героя по улицам города, он подумал: «А хорошо бы сейчас встретить моего голубого попутчика».

И в это время он его увидел. Голубой «Зис» стоял у тротуара, в правый угол его зеркального стекла была вставлена дощечка с надписью «такси», и какой-то гражданин грузил в него большой мешок картошки. «Зис» тоже увидел его и первый низко поклонился.

Яков РУДИН

Рис. Ю. Ганфа

ХРАНИТЕЛЬ ТАЙНЫ

- Я не люблю болтать и отвечать на всякие вопросы.
- А где вы работаете?
- В справочном бюро.

Неуважение к земляку

Орловская область — родина Ивана Сергеевича Тургенева. В связи с этим областная газета «Орловская правда» посвятила один из своих очередных номеров великому русскому писателю.

В передовой статье «Великий писатель русского народа» наряду со своеобразной оценкой творчества Тургенева приводятся его мысли о чистоте русского языка и ряд редакционных рассуждений по этому поводу.

Против этого ничего нельзя было бы возразить, если бы вся статья и самые рассуждения о чистоте русского литературного языка не были изложены таким отнюдь не тургенивским стилем:

«Орловская область... отмечает ее с большим подъемом и почтением к памяти своего знаменитого земляка».

«Достоинство Тургенева в том, что он своим творчеством возвысил достоинство человека».

«Реализм творчества Тургенева исходит из ориентации на действительность, которая являлась базой создания всех лучших произведений великого писателя. Во всем своем творчестве Тургенев базировался на фактах и материалах подлинной жизни».

«Тургенев — великий учитель языка, овладев которым, можно творить чудеса».

Далее следует уже совсем непонятное:

«И великий советский народ творит эти чудеса, сделав свой язык достоинством многомиллионных масс и самым могущественным языком в мире».

Писать таким языком передовые статьи о Тургеневе можно только совершенно не уважая памяти своего великого земляка. В этом мы и обвиняем редактора газеты «Орловская правда» тов. Балева.

Утомленный рейсфедер

В ЗРИТЕЛЬНОМ зале идет репетиция самодельного оркестра духовых инструментов.

Трубачи тянут кто в лес, кто по дрова. Тромбоны стонут и голосят так, будто они рожают. Заведующий клубом сидит в своем фанерном кабинетике, слушает эту какофонию и морщится.

— Дерут, а толку нет! — виновато улыбаясь, говорит он посетителю — молодому человеку с бледным отечным лицом, обрамленным нахальными бачками. — Не овладели еще техникой, так сказать. Так что же вы предлагаете? Наверное, ансамбль песни и пляски, да?

— Угадали!

— Угадать нетрудно! Вы на этой пятидневке третий.

— Интересно, тестомесы тоже к вам прибежали? — спрашивает молодой человек.

— Прибежали!

— Интересно, что они предлагали?

— Предлагали свой лучший номер — песню «Утомленный баранок нежно в масле варился» на мотив «Утомленного солнца». А вы, простите, от какого ансамбля?

— Я представитель ансамбля песни и пляски преподавателей черчения юговостока.

— Что же вы предлагаете?

— Предлагаю наш лучший номер — песню «Утомленный рейсфедер на бумагу склонился».

— Не подойдет! — говорит заведующий.

— Вы что: вообще против ансамблей песни и пляски? — обижается молодой человек.

— Нет, не против: красноармейский ансамбль готов слушать с ночи до утра. Железнодорожный ансамбль тоже люблю.

— Вы нас послушайте!..

— Неужели преподаватели черчения юговостока — такие плясуны и певцы?

— При чем здесь преподаватели? Вы же маленький, должны понимать. У меня в ансамбле народ отборный, как ягоды, один к одному. Костю Рукеева знаете?

— Нет, не знаю Костю Рукеева.

— Не знаете Костю Рукеева? Его весь город знает. Он в шашлычной «Дарьяльское ущелье» последнее время работал.

Молодой человек с бачками презрительно фыркает и продолжает:

— Преподаватели черчения — это, знаете, тугой народец. Их не скоро раскатаешь. Они не хотят петь и плясать ансамблем. Дома, говорят, пожалуйста: и стануем и споем, а на сцене — ни за что! Мне теперь ихний профсоюз просто памятник должен при жизни поставить! За одного Костю Рукеева!.. Ну-с, когда сварганим вечерок?

— Никогда!

— Не хотите, как хотите. А мне, признаться, хотелось в своем бывшем клубике выступить со своими молодцами!

— Вы разве у нас работали?

— Еще бы!.. — у молодого человека лицо делается лирическим. — Давно это было, годика три назад, при Парамонове Василии Степановиче. Сколько я тут у вас народу постриг и побрил — и не счастье!..

— Зачем же вы свою хорошую профессию бросили?

— Сдуру!.. Западные танцы стал преподавать. Польстился на деньги. Год преподавал, потом бросил.

— Почему такое?

— Старухи замучили! Молодые, знаете, сами танцовать учатся, а в кружках меньше пятидесяти лет редко можно увидеть. Надорвался я с ними, кричаши: «Бабушка, левой, бабушка, правой!» У меня общественная жилка, вот и угодил в ансамбль преподавателей черчения юговостока.. Но это тоже, знаете, — не мед..

— Плохо берут? — улыбается завклубом.

— Конкуренция!.. Тестомесы очень уж востроногие!.. Ну я пошел!.. Эх, надоело мне это все!.. Взяли бы вы меня назад к себе, в парикмахерскую, что ли?

Молодой человек прощается и уходит.

Тромбоны в зрительном зале опять вопят.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ.

К открытию зимы

Наука

Универсальная

Неизвестно, как в больших городах, но в городах с населением меньше ста тысяч, говорят, не всегда можно купить мышеловку для ловли крыс и мышей.

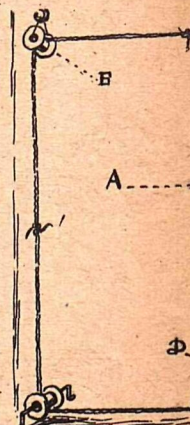
Между тем эти прожорливые животные наносят огромный вред. Особенно страдают от этого магазины с естных припасов.

Держать кошку в магазине до некоторой степени рискованно. Другая кошка столько за ночь сожрет, что и мыши столько не

сожрут в течение года. Рассыпать яд и тем самым травить все живое — тоже, как говорится, нерентабельно.

Наша научно-техническая консультация предлагает нижеследующий прибор для ловли крыс и мышей.

Берется обыкновенная толстая книга (например книга жалоб), или, говоря научным языком, фолиант (а), и привязывается обык-

Искатель блох

ИВАН Петрович Сутягин, инспектор райфинотдела, в третий раз перечитывает письмо, полученное из Москвы.

С месяц тому назад Сутягину попался на глаза очерк, помещенный в одном литературном журнале. Очерк был посвящен московскому метро, и Иван Петрович со своей всегдашней зоркостью усмотрел в нем ошибку.

«Московский метрополитен — это бесценный подарок населению красной столицы и всему советскому народу», — писал автор очерка.

— Так, — сказал Сутягин, прищурившись и поджав губы. — «Бесценный»... Очень интересно. Выходит, по мнению этого шелкопера, что вышеуказанный подарок не имеет никакой цены.

Иван Петрович сокрушенно покачал головой и отправил в Москву, в редакцию журнала, тревожный сигнал на четырех с половиной страницах. Он обвинял автора очерка во вражеской вылазке, а редакцию — в гнилом недомыслии.

Сутягин в третий раз перечитывает ответ на свое письмо. Потом, что-то надумав, тяжелой рысью мчится на второй этаж, где помещается партийный кабинет Дома культуры.

— Вот, Борис Павлович, — говорит он небрежным тоном. — Тут один мой знакомый изобличил одного автора из журнала. И вот что ему ответил журнал, извольте видеть.

Заведующий парткабинетом надевает очки, внимательно прочитывает письмо редакции и, пожимая плечами, отдает его обратно.

— Скажите вашему знакомому, — твердо и раздельно говорит он, — что ему надобно поучиться русскому языку. И редакция журнала вполне права: слово «бесценный» значит такой дорогой, что ему даже цены нет. Изобличил, называется! Ох, уж эти блохоискатели!

Сутягин густо багровеет и молча выходит из парткабинета. Он медленно идет по коридорам Дома культуры; в коридорах много дверей, и за каждой из них приглушенно шумит веселая, интересная жизнь клубных кружков. В комнате, где помещается класс сольного пения, сильный приятный тенор настойчиво повторяет какую-то трудную, не удающуюся ему музыкальную фразу.

Сутягин останавливается, прислушиваясь. Он стоит пять, десять минут, брови его изумленно подняты вверх, а на губах застыла горькая, ироническая усмешка. В этом окаменелом состоянии его застаёт заведующий Домом культуры.

— Что это вы, Иван Петрович, стоите как соляной столб? — спрашивает он.

— Тссс, — говорит Сутягин, таинственно прижимая палец к губам. — Тут, знаете, такие дела делаются...

— Какие дела?

— Вы только послушайте, что он поет!

— Ло-о-вите миг удачи, — выводит за дверью тенор. — Пусть неудачник пла-а-чет, кляня свою судьбу...

— Слыхали? — шепчет Сутягин, болезненно морщась. — Слыхали, какие слова он поет? Чьи эти чуждые слова, я вас спрашиваю?

— Германа, — коротко говорит заведующий Домом культуры и неприязненно смотрит на Сутягина. — Из «Пиковой дамы».

Сутягин отходит от двери, грустно покачивая головой. Нет, никто здесь его не понимает. Никто не желает прислушиваться к тревожным сигналам. Один только помощник бухгалтера товарищ Пуппе сочувствует Ивану Петровичу. Один Пуппе понимает его...

На следующий день, когда Сутягин сидит за своим столом и разыгрывает на счетах рапсодию Листа, в комнату входит заведующий Домом культуры.

— Ну-с, как дела? — спрашивает он, как-то странно поглядывая на Ивана Петровича.

— Работаем, — неохотно отвечает Сутягин. — Вот только без товарища Пуппе трудно мне.

— М-да, — говорит заведующий, медленно закуривая папироску. — Долго вам придется ждать вашего товарища Пуппе. Его отдали под суд за грязные делишки.

Он смотрит в упор на остолбеневшего Сутягина и передразнивает его скрипучий голос:

— «Бдительность ослабела»... Шляпа! Блохоискатель! Вора у себя под носом проморгал!

Мих. ЛЬВОВ

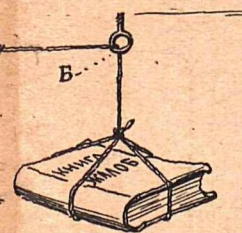

Рис. Ф. Решетникова

него сезона в Зоопарке.

И техника

мышеловка «капут»

новенной бичевкой (б), как указано на нашем рисунке.

Затем эта бичевка пропускается через кольца (в), вделанные в потолок и в стене.

Конец бичевки прикрепляется гвоздиком (г) к полу, в акурат под висящей книгой.

Причем на конец этой бичевки прикрепляется кусок мяса или хлеба (д).

Крыса или мышь (е), найдя мясо, жадно накидывается на него и при этом снизу перегрызает бичевку.

Книга жалоб падает, по закону Ньютона, и тут, как говорится, крысе приходит капут.

Желающие могут электрифицировать этот прибор. Рядом с гвоздиком (г) можно поместить звонковую кнопку, так что упавшая книга мало того, что придавит крысу, но еще даст сигнал, на который прибежит заведующий и поступит с оглушенной крысой, как ему заблагорассудится.

С почтением заслуж. деят.
М. М. Конопляников-Зуев

Как дядя Ричард признал профсоюз

МОЙ ДЯДЯ Ричард владел маленькой фабрикой по производству автомобильных камер. На ней работало около тысячи рабочих, и дяде было приятно думать, что они смотрят на него как на своего бога и кумира. Каждое рождество он дарил им по коробке дешевых конфет.

Однажды сумрачным осенним днем 1938 года мой дядя заглянул на фабрике в уборную. Представьте себе его ужас, когда он увидел на стенах этого неприятного места наклеенные листовки, в которых подробно (и совершенно справедливо) говорилось о плачевном состоянии этой самой уборной.

Мой дядя решил, что мир рухнет и гибнет, и вечером устроил дома такую бурю, что тетя уединилась в свою комнату, а Салли, моя красавица-кузина, потащила своего кавалера в кино. Таким образом, только Питер был свидетелем первого появления мистера Смэджа.

— Папа,— сказал маленький Питер,— там дрисел какой-то смешной человек.

Пока дядя Ричард раздумывал над тем, кто бы это мог быть, посетитель проворно пробрался в комфортабельно обставленную гостиную.

— У вас неприятности на фабрике,— объявил он, шумно кидаясь в любимое кресло тетушки и распространяя вокруг себя волну алкогольных паров.

— Откуда вы знаете? — спросил дядя.

— Всем этим заправляют красные!

Мой дядя кивнул головой словно в трансе.

— Вам необходим свой человек на производстве,— проворно продолжал гость.— Этот человек — я. Я человек надежный. Я эксперт по рабочему вопросу.

Он просидел у нас до часу ночи, и когда ушел, то дядя Ричард ворвался в комнату тетушки и радостно закричал:

— У нас теперь будет свой «независимый» профсоюз на фабрике!

Мой дядя провел несколько дней в счастье, чувствуя себя настоящим промышленным магнатом.

Но вскоре начались беспокойства.

Эксперт по рабочему вопросу приходил к дяде в 10 часов вечера по четвергам и около полудня по воскресеньям.

Как-то маленький Пит обидел его, закричав: — Папа! Твой шпион пришел!

Чтобы успокоиться, мистер Смэдж вынужден был выпить четыре рюмки.

В общем это был неудачный день для эксперта, так как, обращаясь к моему дяде, он произнес:

— Все идет превосходно. Мне удалось завербовать 14 девушек из арматурного цеха в наш союз.

— Девушек?! — воскликнул дядя Ричард.— Но у меня нет женщин на фабрике!

— Ах! — воскликнул эксперт.— Я хотел сказать, что мужчины из карамельного отделения перешли на нашу сторону.

— Карамельного отделения?! — закричал дядя.— Но я произвожу автомобильные камеры!

Мистер Смэдж (это было очевидно) пытался вспомнить, где он видел дядюшку и видел ли он его прежде вообще. Он вспомнил лицо, но никак не мог припомнить имени и рассказал дяде о том, как он раскрыл «целое гнездо красных в упаковочной». Упаковочная-то, он знал, бывает на любом производстве.

— Мистер Смэдж,— умоляюще повторял мой дядя,— вспомните меня! Я владелец фабрики автокамер...

В конце концов, мой дядя понял, что память мистера Смэджа не улучшается от алкоголя, и, став более бережным к бутылке, дяде удалось узнать, как идут дела с его собственным «независимым» союзом. Дела шли хорошо: союз расширялся с удивительной быстротой.

На фабрике все входило в свою колею, и мистер Смэдж считал, что пора организованному им профсоюзу провести свое первое собрание.

— Предоставьте это дело мне,— гордо говорил он.

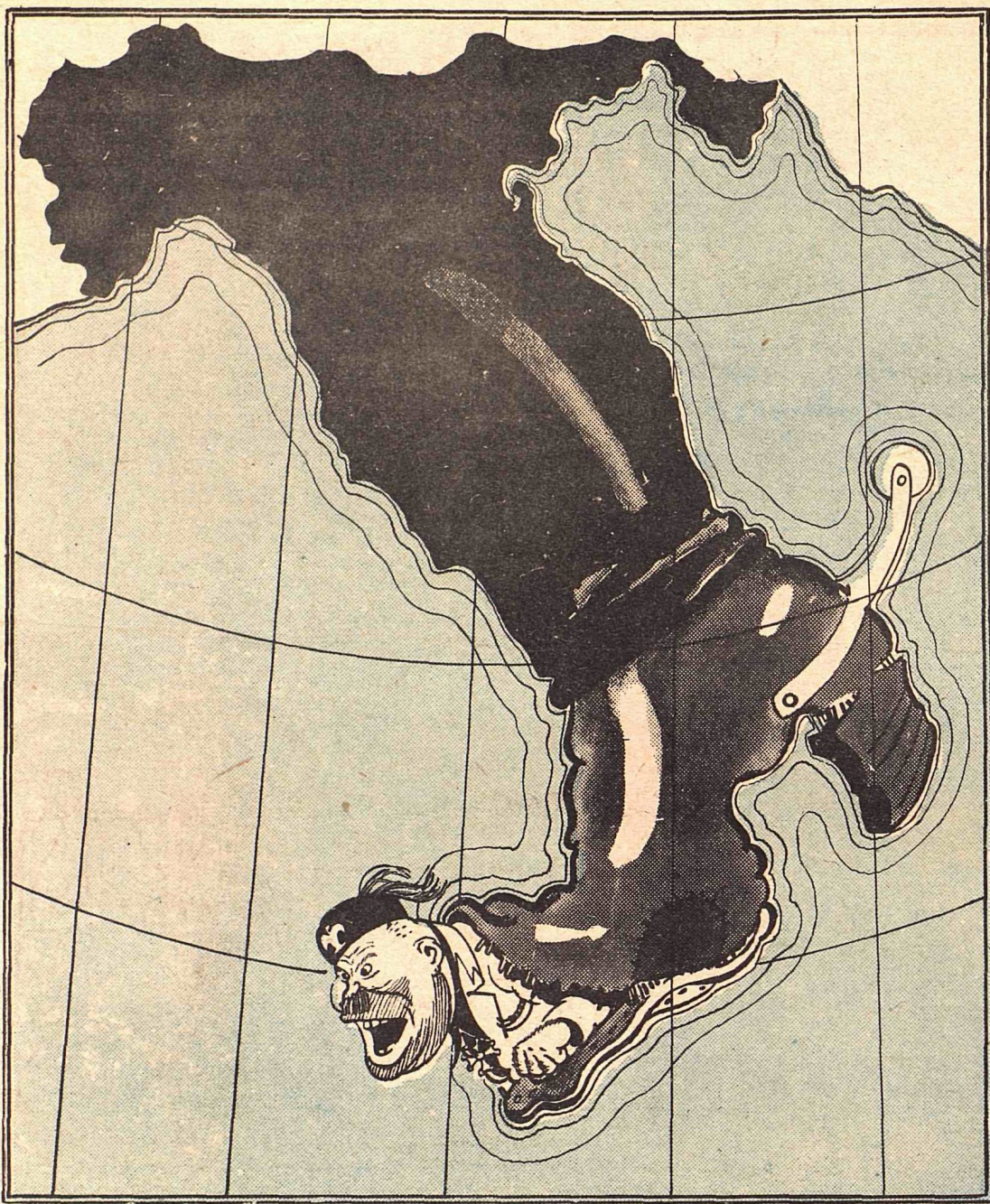

Рис. К. Ротова

Итальянский салог, который просит не только наши, но и колоний.

ВИДАТЬ ПТИЦУ ПО ПОЛЕТУ

Прямо скажем: товарищ Дубов — не воздухоплаватель.

И совершенный им двухчасовой перелет из Новосибирска в поселок Колпашов (Нарымский округ, Новосибирской области) тоже не бог весть какое достижение авиации.

Тем не менее в Колпашове Дубова ожидала теплая, почти что горячая встреча. Особенно ликовали местные работники народнохозяйственного учета. В том числе пятьдесят слушателей курсов по подготовке к всесоюзной переписи населения.

— Летит, летит! — шумно радовались они, завидя витающего в поднебесье Дубова.

Шутка ли! С 1932 года, со дня организации округа, поселок Колпашов не видел ни одного гостя из областного управления народнохозяйственного учета. А тут вдруг сам начальник управления доверил свою бесценную особу коварной воздушной стихии. Уподобясь крылатой птице, он взвился под облака, чтобы накануне переписи лично проинструктировать работников вверенного ему ведомства.

Увы! Спустившись из заоблачных сфер, Дубов повел себя, по меньшей мере, неожиданно. Едва ступив на твердую почву, он обрушил на встречающих поток ругани и упреков. Первый же, так сказать, вступительный спич был составлен в энергичных и прочувствованных выражениях.

— Ага! Это Колпашов! — заорал Дубов.— Шляпы! Из-за вас мне выговор объявили! Почему не телеграфировали, сколько счетчиков

в Тымском районе? А? Я сниму с работы этого мальчишку!

Под словом «мальчишка» подразумевался инспектор Нархозучета в труднодоступном Тымском районе.

Никаких доводов Дубов не стал слушать. Разнос и распеkanie продолжались и во время доклада — инструктивного, с позволения сказать. Четыре часа до хрипоты ругался Дубов, демонстрируя недюжинные познания в изящной словесности. А когда добрался до существа дела, то совершенно обессилел.

Далее, с часу ночи и до шести утра самоотверженное начальство персонально знакомилось с участниками переписи. Знакомилось и продолжало ругаться. Ругалось и старательно избегало всяких вопросов касательно переписи.

А утром, окончательно охрипнув, начальство уже покинуло Колпашов. Погрузившись в самолет, оно исчезло, утопая в сиянии голубого дня.

Ах, как все-таки жаль, что нет другой такой организации, которая бы на манер ФАИ регистрировала рекорды, поставленные в различных областях человеческой деятельности! Она наверняка зарегистрировала бы дубовский перелет как рекорд оперативного самоуправления по классу «А» (грубое администрирование).

Но коль скоро такой организации еще нет, то спортивные комиссары Крокодила направляют все материалы об этом перелете в Центральное управление народнохозяйственного учета.

Собрание было назначено на воскресенье, в 10 часов утра, и мистер Смэдж должен был сообщить о результатах моему дяде сразу же после собрания.

Все утро дядя нервничал как кошка, не мог читать юмористические отделы воскресных газет и разбил лучшую фарфоровую пепельницу тетушки.

Мистер Смэдж явился в час дня.

Мой дядя бросился в прихожую, помог мистеру Смэджу, от которого уже несло виски, сесть в самое удобное кресло, насильно (насколько это было возможно) влил ему в рот бренди и, наконец, оживил своего изнуренного эксперта по рабочему вопросу.

— Ужасно,— прошептал тот, когда вторая рюмка бренди обожгла его гортань.

— Что ужасно?— прошептал мой дядя, чувствуя, что сам лишится чувств.

— Выкресты неблагодарные, мерзавцы!— произнес эксперт.

Голос его от третьей рюмки окреп.

— Что случилось?!

Смэдж закатил глаза.

— Вы не поверите,— начал он, чуть не плача,— когда началось собрание, кто-то в задних рядах встал и предложил всем рабочим, без исключения, вступить в свой профсоюз...

Дядя Ричард быстро проглотил одну за другой две рюмки бренди и медленно, с чувством проговорил:

— Вам следует свернуть шею, никчемный идиот и пьяница!

Мистер Смэдж сперва опешил, но затем истерически закричал:

— Вот ваша благодарность?! Все вы такие, капиталисты! Это после всего того, что я для вас сделал! Я рисковал своей жизнью для вас! Когда я выступал на собрании, то рабочие кричали: «Бейте его, хозяйскую крысу! Гоните его в шею!»

— Вы выступали на собрании?!

— Конечно!— сказал мистер Смэдж тоном человека, много выстрадавшего.— Рабочие говорили о забастовке, и я подумал, что должен сделать для вас все, что в моих силах.

— Мой дорогой, добрый мистер Смэдж!— воскликнул мой дядя, выпив еще рюмку бренди.— Я беру назад все, что наговорил вам. Простите меня!

— Чепуха!— великодушно произнес мистер Смэдж, наливая себе бренди.

— Что вы говорили на собрании?— тихо спросил дядя.

— О!— ответил мистер Смэдж.— Я прямо заявил им, что они не могут бастовать, что об этом даже и думать нечего, потому что стачка разорит вас, с этими вашими десятилетними контрактами и двадцатидневным сроком.

— Вы сказали им это?— шопотом спросил дядя Ричард.

— Да! Мне казалось, что это подействует на их лучшие чувства, на их лояльность по отношению к вам. Я прямо так и сказал: «Вы ведь не хотите зла хозяину».

— И не подействовало, а?— зло проговорил мой дядя, посылая Пита за виски.

Мистер Смэдж печально кивнул головой.

— Все без исключения голосовали за забастовку,— произнес он,— и лишь я один поднял руку против, только они не засчитали мой голос.

— Это было очень любезно с вашей стороны — голосовать против забастовки,— сказал мой дядя.

— Но это не дало никаких результатов: они забастовали!— грустно проговорил эксперт по рабочему вопросу.

— Все же это очень любезно с вашей стороны,— тихо произнес дядя Ричард, доставая из камина кочергу.

Тетя вошла как раз вовремя, чтобы предотвратить дядю от насилия над мистером Смэджем.

Вот как произошло, что мой дядя Ричард был вынужден признать рабочий профсоюз и удовлетворить все требования забастовавших рабочих.

Т. ФЛИНН

(американский революционный писатель).

Перевод с английского
ЮРИЙ СМЕРНОВ

Рис. А. Каневского

НОВОСТИ МОДЫ

— Почему, сэр, вы носите такой высокий воротник?
— К сожалению, без него я не могу теперь держать голову так высоко, как подобает англичанину.

НЕ ПОВЕЗЛО

Началось с того, что Крокодил получил письмо о преподавателе статистики на учебной базе горьковского облпотребсоюза в городе Арзамасе. Этот преподаватель, по фамилии Дурнищев, сообщил слушателям новые, вероятно, им самим открытые правила арифметики.

— Вот в классе находится 27 столов,— повествовал Дурнищев,— умножьте их на ноль — и столов останется опять 27.

Мы послали это письмо в правление горьковского облпотребсоюза. Потребсоюз оказался организацией точной, аккуратной. Потребсоюз ответил нам так:

«Президиум облпотребсоюза сообщает, что неопубликованная статья по вопросу о новом открытии в простой арифметике преподавателем статистики на учебно-курсовой базе облпотребсоюза Дурнищевым подтвердилась.»

Допущенная ошибка Дурнищевым на повторном уроке 23/XI—38 г. была исправлена. Со стороны отдела кадров обл-

потребсоюза Дурнищеву за допущение грубейшей ошибки сделано предупреждение.

*Зам. пред. президиума облпотребсоюза Стариков
Инспектор по жалобам облпотребсоюза Вейсов».*

Значит, все в порядке. Дурнищеву сделано предупреждение. У потребсоюза имеется возможность, в случае новых ошибок в арифметике или по иным предметам, покарать Дурнищеву еще и строгим предупреждением, затем дать ему выговор, строгий выговор и строгий выговор с предупреждением. Этого за глаза хватит на полгода.

А что касается курсантов, которым Дурнищев за эти полгода сумеет поведать еще много приятных сюрпризов, то будем считать, что им просто не повезло. Когда-нибудь будет же на месте Дурнищева настоящий преподаватель... Ну, вот тем курсантам — повезет. А этим — не повезло.

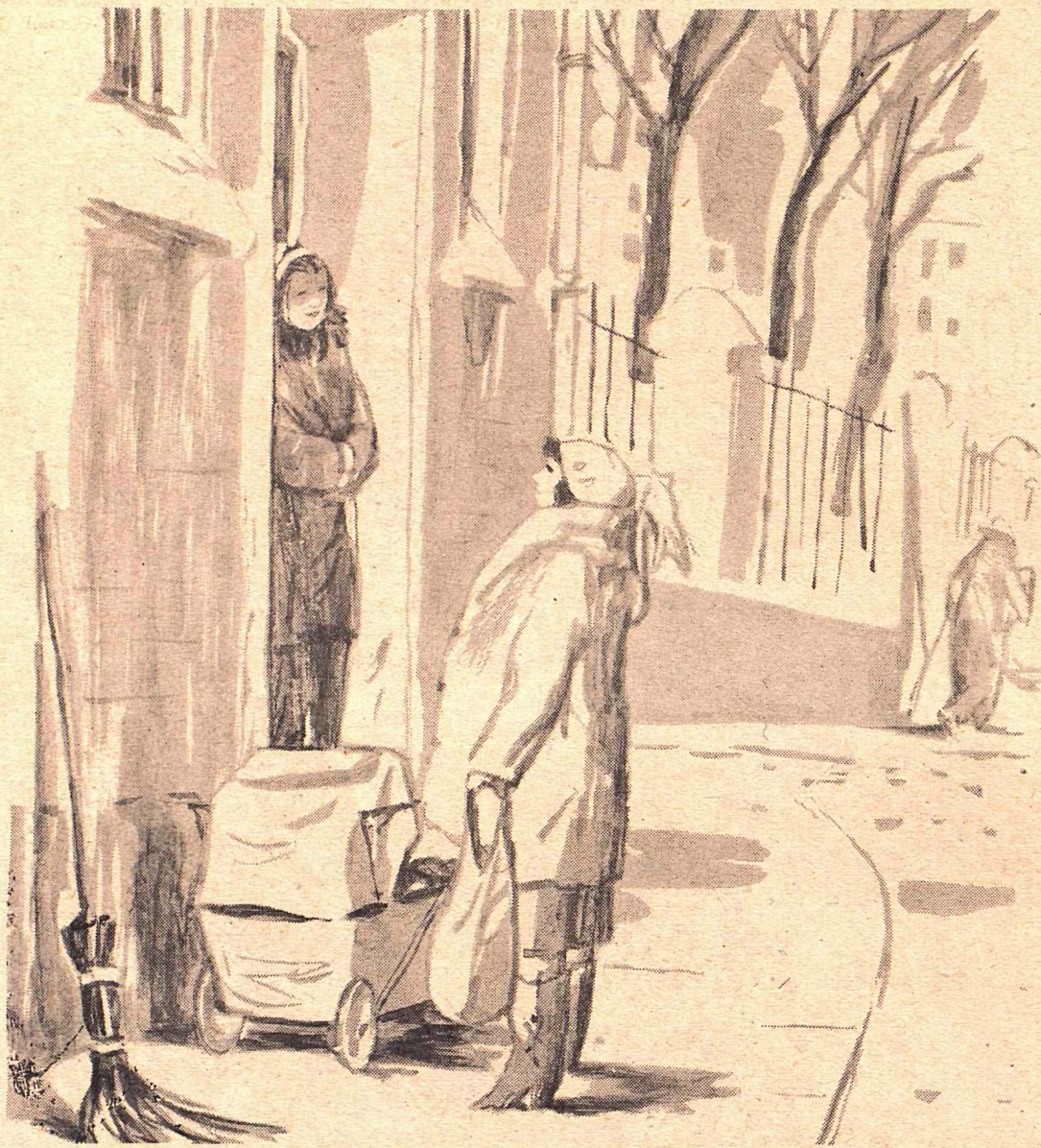

Рис. Л. Сойфертиса

ВОТ В ЧЕМ ВОПРОС

— Странно! У вас лифт всегда в исправности, а у нас он вечно не работает.

— Но ведь наш управдом живет на пятом этаже, а ваш — на первом.

Выход из положения

ВЫХОДНОЙ день. Солнце уже в зените. Однако стрелки электрических часов на четвертом этаже студенческого общежития еще только приближаются к двенадцати. Их двойники на третьем этаже столь же робко подбираются к половине двенадцатого. На втором они застряли где-то около одиннадцати, а на первом бодро возвещают наступление десятого часа.

Несмотря на вызывающее поведение точной механики, в общежитии давным-давно пустынно и тихо. Обитатели его раз'ехались кто куда: кто — в публичную библиотеку, кто — на побывку к родственникам и знакомым, кто — просто слоняться по городу.

Последним вырывается из цепких объятий сна первокурсник Евзерихин в своей комнате на первом этаже. Кое-как завершив несложный утренний туалет, он выглядывает в коридор и с удовольствием констатирует, что еще совсем рано. Правда, его смущает царящая кругом тишина и исчезновение соседей по комнате, но он решительно подавляет поднимающиеся сомнения.

«Часы есть часы», — рассуждает Евзерихин и отправляется за кипятком.

Напившись чаю, он со свежей головой принимается обдумывать проблему, мучающую его уже больше месяца:

«Как быть? Зачетная сессия почти на носу, а еще так мало сделано, так мало!»

Нужно сдавать экзамены по четырем пред-

метам, а он еще даже не решил, с чего начать и, главное, как заниматься.

«Как быть?!» — в бесчисленный раз восклицает Евзерихин. И в этом вопросе слышится столько трагизма, что знаменитое гамлетовское «быть или не быть?» кажется жалким лепетом начинающего драмкружковца.

«Прежде всего нужна система и организованность», — думает Евзерихин. — Никакой анархии! Тут все важно: и организация рабочего места, и режим дня, и диета...»

Вспомнив о диете, он пододвигает к себе оставшийся кусок булки, задумчиво с'едает. Потом он берет с подоконника растрепанную книжку с засаленными страницами и углубляется в чтение. Это пожилое произведение полиграфического искусства — труд некоего Цыбульского «Гигиена умственных занятий».

К Евзерихину она попала, обойдя предварительно чуть не половину курса, и теперь пестрит подчеркиваниями и пометками на полях. Здесь в телеграфном стиле изложено тысяча одно соображение автора касательно упомянутой гигиены: от холодных обтираний по утрам до положения настольной лампы и оптимальной длины заточенного карандашного графита. «Вот умница», — умиляется Евзерихин.

Оторвавшись от книги, он мечтательно смотрит в потолок. Перед его умственным взором носится светлый образ мудрого Цыбульского. Цыбульский, не горбясь, под прямым углом сидит у своего письменного стола (высота над

уровнем пола — 900 миллиметров). Источник света находится у него слева, в 25 сантиметрах от переносицы. Пером № 86 Цыбульский быстро водит по бумаге (40 на 25 сантиметров).

Потом Евзерихин вспоминает, что в институтской читальне нет настольных ламп, а столы никем не измерены. Возбуждение его постепенно гаснет. Уже совсем скептически смотрит он на титульный лист книжки: «Издательство вдовы братьев Сабашниковых, С.-Петербург, 1910 г.»

«Нет», — бормочет Евзерихин, — тут что-то не так. Наука-то, небось, шагнула вперед. Небось, новые веяния, новые взгляды».

Он вспоминает начало учебного года. Это тогда, ранней осенью, проник в его слабую душу яд сомнения.

На групповое собрание пришел представитель профкома.

— Ребята, — сказал он, — это вам не школа. Это вуз! Тут нельзя просто почитать книжечки. Тут, брат, нужны метод, план, система, четкая организация всего умственного процесса. Вот сейчас студент третьего курса Мозговкин будет меняться опытом. Давайте, тише!

Мозговкин нагнал на группу животный ужас рассказами о наиболее типичных случаях провала на экзаменах. Однако на записки оратор отвечать не стал. Призвав молодежь по-научному организовать мыслительный процесс, он скромно удалился.

Потом дело обмена опытом организации процесса взяла в свои железные руки дирекция института. Собрания шли без перерыва почти месяц. Горячо дискутировались примерные бюджеты времени, приблизительные балансы учебного дня, ориентировочные режимы процесса.

Однажды какой-то отчаянный первокурсник попробовал заикнуться, что пора просто начать заниматься, но «дезорганизатора» быстро призвали к порядку. Научные изыскания продолжались с прежней силой.

«Что делать, что делать? — измученно шепчет Евзерихин. — На лекцию «Организация умственного труда» ходил? Ходил. «Работы с книгой и конспектом» прослушал? Прослушал. Но еще столько неясностей, столько вопросов!»

Воздух за окном становится совсем синим. Еще один день на исходе. Сообразив, что до сессии осталось всего две недели, Евзерихин холодеет и судорожно хватается за конспект по истории.

«В 843 году, — читает он, — враждующие внуки Карла Великого, по Верденскому договору, делят территорию франкского государства на три части. Западная Германия достается Людовику, Франция — Карлу Лысому...»

Евзерихин вспоминает профессора истории, человека до того лысого, что лоб у него кончается где-то на затылке.

«Зарежет, — думает Евзерихин, — как пить дать нарежет. А тут, как на зло, нет стройной системы».

Отчаявшись, Евзерихин идет в буфет. Прихлебывая жидкий чай, он прислушивается к разговору за соседним столиком. Там спорят несколько первокурсников.

— Нет, — говорит один, — сначала мы занимаемся порознь, а потом собираемся на конференцию. Или нет: сначала собираемся на конференцию, а потом порознь.

— Надо читать вслух! Участие слуховых доминантов обеспечивает...

— А если у меня моторная память? А?

Голова у Евзерихина идет кругом. Нетвердыми шагами он направляется к стойке и трещит четвертый стакан чаю.

Буфетчица смотрит на него с сожалением.

— Плохо, тетя Маша, — страдальчески говорит он. — Экзамены на носу, а с мыслительным процессом плохо. Организации нет, системы... Провалюсь я, тетя Маша!

Тетя Маша сокрушенно качает головой.

— А ты б занимался, голубчик. Учебники, что ли, читал. Ну, его с процессом! Живут же люди...

От неожиданности Евзерихин давится чаем.

— П-п-ожалуй, верно, — говорит он, — как это я раньше не подумал! Это, действительно, выход из положения!

Л. МАКСИМОВ